

ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Лариса МИШИНА

Перед глазами вприсядку пролились Шуман, Чайковский, Сальери, в открытой крышке рояля мелькнуло усмехающееся лицо Пушкина, что-то забулькало и зазвенело — фу ты, примерещилась презентация ликеро-водочных изделий... С чего ж это все началось?

Ах, да — с визита в редакцию незнакомца, вооруженного приглашением на концерт классической музыки и пресс-релизом фестиваля, в рамках которого этот концерт должен состояться. А фестиваль — сказка! "Первый и единственный в мире, посвященный личности Антонио Сальери", имеющий целью вернуть несчастному доброе имя и сделать его незаслуженно забытое творчество достоянием российской и мировой общности. В программе значились концерты, выставки, спектакли драматические, оперные, балетные (все — связанные с именем Сальери или темой "гений и злодейство"), "круглые столы" и научные конференции, конкурс среди студентов театральных вузов на лучшее исполнение роли Сальери, издание произведений композитора и книжки о нем, европейское

Записки из палаты номер шесть

турне во славу оклеветанного и всякие презентации, в том числе — хм, к чему бы это? — спиртных и кондитерских изделий... Вот досада — проглядеть такое событие! Одно утешало — фестиваль, рассчитанный на пятилетку (1995–2000 г.г.), лишь приближался к середине, значит, не все было потеряно. Словом, вперед — в Венгерский культурный центр.

"В первом отделении нашего концерта прозвучит Большая соната Шумана опус 11 и две сонаты Листа", — объявил еще молодой человек в джинсах. "Два соната", — поправила его дама преклонных — очень преклонных! — лет и направилась к роялю. Раскрыла ноты, размахнулась — и-и-и раз! Сладко засосало под ложечку. Моя босоногая юность... радио... 11 часов утра и прорывающееся сквозь бодрые фортепианные ритмы: "Начинаем производственную гимнастику"... Но не она, в сущности, кроткая женщина герой нашей истории.

Герой — тот самый еще молодой человек в джинсах (которые он ни за какие коврижки не сменит, даже превратившись в концертанта) по имени Никита Романенко. Автор фестивального проекта, актер, режиссер — так в пресс-релизе. И вот теперь, судя по всему, впервые в жизни, — вокалист, представивший во втором отделении на суд слушателей программу классического романса с "Колыбельной" Чайковского в качестве заправки. Какой любитель вокала не вздрогнет, услышав это название, — не один участник Конкурса имени Чайковского, да с консерваторским дипломом, "сломал себе шею" на этом прелестном "пустячке" (но, дружок-меломан, тебе повезло, присутствуя ты на описываемом концерте, вздрогнуть пришлось бы не раз).

Певец продемонстрировал публике то бок, то спину, прикладывая руки к груди и ко лбу, вдохновенно прикрывал веки, из-под которых — ах, хитрец! — то и дело поглядывал в книжечку со словами, но — увы. Домашний, неопределенной тесситурно-тембровой принадлежности голосок еще не голос, а чисто взятые кряду пять нот — еще не мастерство, подтверждения чему не замедлили явиться.

Где-то посреди номера четвертого ("Ах, только тот, кто знал") певец споткнулся. Удивленный взгляд пианистки. Ответное: "Ну что вы остановились? Я не могу взять эту ноту, а вы на меня смотрите". Финал — милая перепалка, завершившаяся "приветом" публике: "Пардон, я просто выше взял".

Колыбельная "В бурю" началась с доверительной фразы певца: "Главное — начать, где надо" и столь же доверительным завершилась: "Только распелся, даже слезу пустил — и вот..." Словом, унялась ли буря, отшумели ль ели, мы так и не узнали: певцу опять что-то отказало.

Следующий номер был не только спет, но и анонсирован с присущей всему кон-

церту оригинальностью. Певец — пианистке: "Так, давайте веселую". Тишина. Он: "Ну играйте". Она: "Объяви". Тишина. Уж не вспомнить, кто из них все-таки выдал тайну: Балакирев, "Обойми, поцелуй". Но после проигрыша Романенко не вступил, вступил со второй попытки, где-то сбился, кое-как прошептал низкие ноты, да и бросил на полпути всю эту затею. Так же, лишь со второй попытки, он начнет "Сомнение" Глинки и так же, не допев, бросит шумановское "Я не сержусь".

Вы думаете, после всего этого герой вечера пошел и застрелился? Ну вы, как дети! Он сказал: "Это была акция интеллигентская и для интеллигентов (и правда, из тесного, преимущественно дамского кружка его слушателей не вылетело ни одного помидора. — Л.М.), но, может быть, я смогу эту музыку, которую обожаю, приблизить и к неинтеллигентной публике, крутящей только "Яблоки на снегу", чтоб слушали и прониклись".

...Дорогой мой, присядем. Говорите, вы так и не поняли, зачем вашу репутацию призвали восстанавливать совершенно незнакомых вам господ композиторов (за исключением разве что Листа, мальчонкой бежавшего к вам на уроки)? Но не вы ли пытались поверить алгеброй гармонию — и что ж? Не всякий полет художественной мысли поддается человеческому разумению. Вы недоумеваете, отчего это на фестивале вашего имени до сих пор не исполнили ни одного вашего сочинения? Но кому ж могло прийти в голову, что ноты хранятся в ларчике, а ларчик надежно укрыт в далекой Австрии — попробуй достань! Вас что-то тревожит еще? Ах да — целая Европа тужилась два века, да так и не нашла доказательств вашего великого преступления, а не доказано, знает всякий цивилизованный европеец, — не виновен. Но что в России этот довод! Явился Пушкин — с тех пор вся нация рассматривает вашу фигуру через призму его "маленькой трагедии". Реабилитировать вас здесь — значит, тягаться с фантазиями гения и, конечно, в его же стихи, называемой искусством. Но как вы думаете, маэстро Сальери, тот, кто решается на сей подвиг, избрав жанр "два притопа, три прихлопа", — безумец или злодей, решивший окончательно скомпрометировать ваше имя? ●

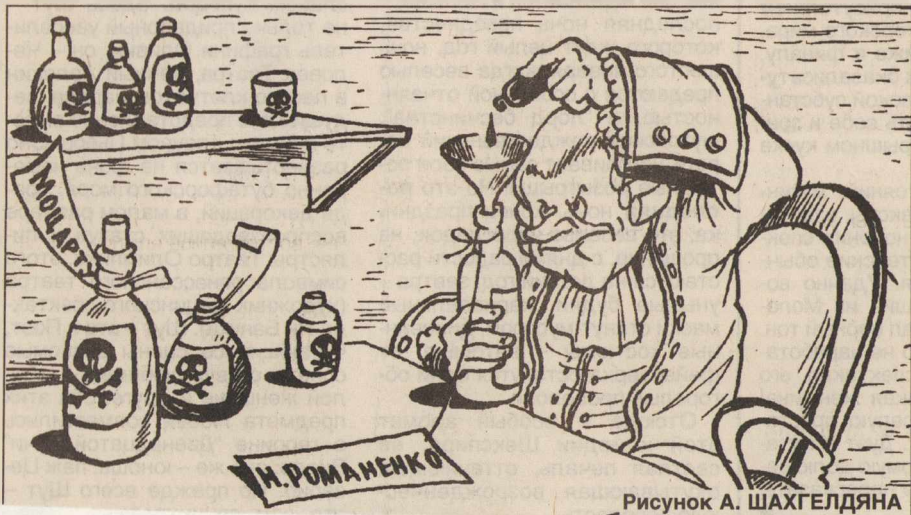

Рисунок А. ШАХГЕЛДЯНА

Романенко Никита

1.05.94